

## Что лучше – свое или чужое?\*

(Опыт сопоставления чешских и русских неологизмов)

НАТАЛЬЯ РАЙНОХОВА

Univerzita Karlova, Ústav východoevropských studií, nám. Jana Palacha 2, CZ-116-38 Praha  
E-mail: natalie.rajnochova@ff.cuni.cz

(Received: 10 March 2015; accepted: 25 May 2015)

**Abstract:** A lot of new words and idioms are the landmarks of contemporary European languages. This process is caused by extralinguistic factors, primarily the globalization of the modern world. But each European language has its own specific features in this process. The comparison of related Slavic languages in this respect shows a lot of differences in terms of their reaction to foreign words, which requires more detailed comments. But we can see some general trends: Russian is more open to borrowings, while Czech tries to adapt new words to its own lexical and grammatical system.

**Keywords:** Russian language, Czech language, neologisms, foreign words, comparative analysis, extralinguistic factors

Одной из доминант современного развития европейских языковых систем является неологизация лексико-фразеологического состава. Процесс неологизации имеет общие закономерности, поскольку вызван экстралингвистическими причинами, прежде всего глобализацией современного мира. Общее в этом процессе задано в первую очередь новыми техническими, научными, политическими и другими реалиями, которые ранее не имели обозначения в конкретном языке.

При несомненной важности общих закономерностей языковой неологизации, каждый европейский язык в этом процессе имеет свою специфику. Сопоставление родственных славянских языков в этом плане показывает немало отличий в реакции на заимствования, требующих более детального комментария. Так, при сопоставлении чешских и русских неологизмов обнаруживается общая тенденция – открытость к прямым заимствованиям в русском языке и стремление к потенциальной славянизации заимствований в чешском. Таким образом, в обоих языках появляются конкурентные формы, борьба между «своим» и «чужим».

Лингвистический анализ данной общей тенденции показывает, что она имеет более глубокие корни. Адаптация заимствованной лексики русской языковой системой обусловлена традицией более интенсивного и свободно-го перенимания «чужого», особо развивавшаяся со времен реформ Петра Первого и усиленной европеизации России. Чешская же языковая политика со времен Возрождения находилась под влиянием концепции Й. Юнгмана

\* Tento článek vznikl za podpory výzkumného záměru Prvok 12.

и его окружения, ориентировавшихся на славянизацию чешской лексики и фразеологии. Эта ориентация приводила и до сих пор приводит к попыткам буквальной передачи внутренней формы многих «инородных» лексем славянскими корнесловами (ср. NAVRÁNEK 1974, JEDLIČKA 1974).

Направление языковой культуры, призванное сохранять и «очищать родной язык» и называемое пуризмом, коснулось многих европейских языков, начиная с классического греческого и латинского языков. Пуризм мы понимаем как комплекс мнений, регулирующих кодификацию и культуру литературного языка в соответствии с «идеальной» моделью чистого языка посредством ограничения элементов, с этой моделью расходящихся. Энциклопедический словарь приводит следующее определение пуризма: «Пуризм – стремление к очищению литературного языка от иноязычных заимствований, неологизмов, а также от естественных проникновений в литературный язык ненормированных лексических и грамматических элементов (например, народно-разговорных, просторечных, диалектных и т. п.)» (СЭС 1980: 1094).

Главной функцией чешского пуризма была функция охранная. Чешский язык до тридцатых годов XX века относился к языкам, в которых проявления пуризма были наиболее систематическими. Как заметил М. Йелинек, пуризм в Чехии начался еще в XV веке, когда Ян Гус выступал против использования германизмов в языке. Вместо слова *knedlík* от немецкого *Knödel* он предлагал использовать славянское *šiška*, вместо германизма *hantuch* от немецкого *Handtuch* чешское слово *ubrusce* (JELÍNEK 1997: 153).

Стоит упомянуть, что в 1620 году чешское королевство теряет свою независимость, на его территории утверждается власть Габсбургов, что влечет за собой резкое увеличение доли немецкого населения, дискриминационную политику господствующей власти, ассимиляционные процессы в среде самих чехов, приведшие к тесному взаимодействию обоих языков. Позже немецкий язык становится основным языком государства, вследствие чего устанавливается одностороннее влияние немецкого языка на чешский. Способствует этому и то, что страну покидают приверженцы гуситского движения, пропагандировавшие чешский язык и его использование во всех сферах политической и культурной жизни страны.

Приблизительно с середины XVII века немецкий язык не просто проникает в чешское общество, но и занимает в нем доминантное положение. Чешский язык уходит из сфер административного и политического общения и становится языком крестьян и бедных горожан.

В это время пуризм в чешских землях был направлен против принятия греческо-латинской терминологии. Так, например, вместо греческого *škola* предлагалось использовать вымышленное чешское *uřna*, вместо латинского *deklinace* чешское *ohybatelka* (JELÍNEK 1997: 154).

В XIX веке можно наблюдать полное двуязычие среднего и высшего классов, вызывавшее у представителей Национального возрождения, так называемых будителей, опасения, что будет потерян не только язык, но и национальная идентичность. Именно в это время начинается процесс острой

борьбы за «чистоту» языка, основным призывом которой становится полное очищение чешского языка от заимствований. Чешская общественность восставала как против германизмов, так и против любых интернационализмов: предлагалось использовать *zeměpis* вместо *geografie*, *dušesloví* вместо *psychologia*, *přírodokum/přírodoput* вместо *Naturforschung* (см. JELÍNEK 1997: 155). В конце XIX века чешский пуризм был пропитан идеями национализма. Было несколько основных критериев, дававших слову «право на жизнь»: явно славянское происхождение, датировка появления не позже XVII века, особо приветствовались слова моравского или словацкого происхождения и т. д. Будители часто не осознавали, что германизмы были лишь посредниками в заимствовании античных основ.

Именно в XIX веке издается целый ряд журналов и вспомогательных материалов, содержащих в себе не просто рекомендации, но и запреты, касающиеся отказа от немецких слов и выражений в пользу чешских. Речь шла в основном о лексике и синтаксисе, в нем конкретнее – о калькировании глагольного управления. В большой степени затрагивалась и идиоматика.

Стоит упомянуть, что чешские будители, страдая от потери независимости чешским государством, делали упор на антагонизм между чешским и немецким, а потому излишне категорично утверждали, что чешский язык находится на грани исчезновения. Если бы это было так, то невозможен был бы тот стремительный возврат чехов к использованию и изучению родного языка, который произошел в начале XX века. Опираясь на современные исследования, можно отметить, что «...функциональные изменения чешского национального языка не представляли такой резкий или абсолютный спад, который был бы угрозой существованию самого чешского национального языка» (GLADKOVA 2001: 343).

Пуристические стремления раскачивали норму языка и обедняли язык в целом. В запале многие явления были провозглашены пуристами заимствованиями, хотя таковыми не являлись. Часто заявления пуристов были непрофессиональными, а предлагаемые ими изменения не соответствовали истине. В частности, для замены немецких слов предлагались чешские, которые не соответствовали им ни с семантической, ни со стилистической точек зрения. Эту тенденцию приостановила дискуссия Пражского лингвистического кружка о новых принципах языковой культуры. Такие ученые, как Богуслав Гавранек, Роман Якобсон, Вилем Матезиус и др. осудили пуристический подход к норме литературного языка, и сделали все, чтобы в дальнейшем развитии языка уйти от ошибок пуристов. Так, например, в литературный язык были возвращены модальные глаголы, отглагольные субстантивы, некоторые сложносокращенные слова (*železobeton* ‘железобетон’, *plnovous* ‘борода’), композиты с первой составляющей *velko-*, словообразовательный тип с префиксом *bez-* (JELÍNEK 1997: 160).

В статье мы попробуем проследить, как отмеченные общие тенденции к восприятию «чужого» реально отражаются в современных чешском и русском языках. Разумеется, они не могут иметь глобального применения, ибо

процесс неологизации настолько интенсивен, что полностью буквализировать, т. е. освоить каждое заимствование ни один европейский язык не в состоянии. Однако анализ конкретного материала дает здесь относительно надежные основания для того, чтобы признать отмеченные выше тенденции функциональными и для современной чешской и русской неологии.

Предварительное сопоставление адаптации заимствований (особенно американизмов) в чешском и русском языках позволяет выявить различные группы лексики по степени ее «славянизации». Оно проводится на основе материала оригинального «Словаря новой русской лексики и фразеологии», составленного под руководством проф. Л. И. Степановой в Оломоуцком университете им. Палацкого (STĚPANOVA 2011). В самом общем виде их можно представить таким образом:

1) Тожественные заимствования для двух языков (с естественными различиями в латинской графике для чешского): *бодибильдинг* – *body building*; *бодигард* – *bodyguard/body-guard*; *бомбер* – *bomber* ('bunda'), *брейкер* – *breaker*; *вау* – *Wow!*; *видеоклип* – *videoklip*, *рокер/рокешиник* – *rocker* и др. Большая часть таких заимствований, естественно, – англицизмы, однако, здесь встречаются и японизмы: *бонсай* – *bonsaj*.

2) Аналогичные заимствования, но с формантной адаптацией в одном из языков, например: *комьюнити* – *komunita* или *брокколи* – *brokolice*. Следует отметить, что формантная адаптация характерна для чешского языка. Английские выражения берутся целиком в качестве словообразовательной основы, из которой с помощью формообразующих или словообразовательных формантов создаются конкретные словоформы. В русском языке форманты скорее появляются в разговорном языке или в жаргоне. Особенно характерно это для компьютерного жаргона, ср., например, *винда* – *Windows*, *файло* – *file*, *мэйла* – *mail*.

3) Заимствования, которые в одном языке (особенно в чешском) имеют чисто славянское соответствие: *буканить* – *backup, zálohovat*; *бойфренд* – *boyfriend, přítel, kluk*; *политический бомонд* – *beau monde, společenská smetánka*; *консенсус* – *konsensus, souhlas*; *шоу* – *show, představení*; *альтернативщик* 'проходящий альтернативную военную службу' – *civilkář* и др.

4) Прямые заимствования в русском – их исконно чешские параллели: *бленд* – *směs, míchání*; *блокбастер* – *hit, trhák*; *браузер* – (*webový*) *prohlížeč*; *бренд* – (*obchodní*) *značka*, *контент* – *obsah*, *шоп* – *obchod s atraktivním zbožím dovozeným především ze západu*, *экзит* – *východ*, *продвинутый юзер* – *pokročilý uživatel* и др.

К этой группе можно отнести и такие случаи, где в чешском языке используются иные заимствования, уже более или менее адаптированные – ср. *ролик* – *reklamní spot*, *ваххабит* – *islámský fundamentalista* и др.

5) Особый случай заимствования – усвоение иноязычной фразеологии. Здесь, в силу образно-экспрессивной специфики идиом, оба языка предпочитают калькирование, уравнивающее адаптацию этих единиц в обоих языках. Отсюда достаточно большое число идентичных заимствований, например:

зеленые береты – *zelené barety*; черные береты – *černé barety*, *vojáci zvláštních oddílů ruské policie*. Тожественны и фразеологические полукальки, например, *в шоке* – *v šoku*, хотя в отдельных случаях русские неологизмы этого типа остаются без чешских эквивалентов: *быть в ауте* – *být něčím velmi překvapen*. Легко заметить, что чешский язык, воспринимая иноязычную лексику, достаточно определенно предпочитает ресурсы своего собственного языка. Даже такой «знаковый» и чрезвычайно частотный американизм, как *компьютер* изначально получил собственно чешское наименование *počítač*. Характерны и примеры, когда в одном случае иноязычное слово осваивается буквально, в другом – нет, например: *беби-бум* – *baby-boom*; *бэбиситер* – *babysitter/baby-sitter*, но *беби/бэби* – *holka, miláček*.

Все рассмотренные факты убедительно свидетельствуют о том, что динамические импульсы, полученные чешским и русским языками в прошлом, продолжают активно влиять на обогащение их лексико-фразеологического состава. Оценивая ситуацию, связанную с заимствованием лексики и синтаксических конструкций из других языков, нельзя не отметить тот факт, что кроме определенного негативного влияния (засорения?) в этом процессе есть и своя позитивная сторона. Так, например, германизация чешского языка в XVII–XX веках привела к более интенсивному развитию страны, как в политическом и экономическом, так и в культурном аспекте. В XVII веке это позволило Чехии, в частности, догнать Европу в развитии барокко, от которого она отставала почти на 100 лет. Подобные тенденции наблюдаются и в других странах, причем не только в прошлые века, но и на современном этапе. Вот как оценивает, в частности, влияние заимствований в языке японский общественно-политический деятель Японии Дайсаку Икэда: «В освоении современных научно-технических достижений, которые длительный период шли к нам из стран Европы и США, огромная роль принадлежит японскому языку, заключенному в нем гибкому механизму словообразования, позволяющему мгновенно создавать и легко овладевать тем поистине огромным количеством новых слов, которые понадобились нам для усвоения массы хлынувших извне понятий» (Когда настанет день диалога... Интервью с Дайсаку Икэда, видным японским общественно-политическим деятелем. *Литературная газета*, 06.09.1989).

В современном чешском обществе, подверженном законам глобализации, происходят огромные изменения, в язык входят слова, отражающие все новое, прежде всего термины из области политики, массовой культуры, новых технологий, моды и т. д. И хотя можно сказать, что пуризм воспринимается как непродуктивная ветвь развития языковой культуры, однако утверждать, что он совсем исчез из языкового поведения носителей языка, нельзя. Поколение немолодых людей продолжает неоднозначно относиться к германизмам, а теперь и к англицизмам в литературной норме.

Ряд чешских ученых (Милан Йелинек, Йиржи Краус и др.) отмечают, что в чешском обществе время от времени предпринимаются попытки «реанимировать» пуристические тенденции (см., например, JELÍNEK 1970, JELÍNEK

1979, JELÍNEK 1982, JELÍNEK 1997, JELÍNEK 1999–2000, KRAUS 2005). Но необходимо подчеркнуть, что противодействовать процессам глобализации не удастся. Глубокие пуристические корни, присущие чешскому обществу, способны лишь ограничить или несколько приостановить лавину заимствований, но не задержать их.

Нами был проведен небольшой статистический анализ количества заимствованных слов в чешско-русском словаре неологизмов (KREJČÍŘOVÁ a kol. 2004). Даже на примере первых букв становится понятно, что неологизация за счет чешских разговорных слов и выражений, просторечных и жаргонных элементов из чешского языка минимальна. Так, в букве «А» на 166 неологизмов не зафиксировано ни одного чешского, в букве «Б» на 133 – 30, а в букве «С» на 71 всего пять.

Далее приведена таблица сопоставления общего количества новых слов в языке и заимствований. Можно заметить, что исконно чешских слов в словаре немного.

Буква	Общее число слов	Число заимствований
<b>A</b>	166	166
<b>B</b>	133	103
<b>C</b>	71	66
<b>Č</b>	26	8
<b>D</b>	217	189
<b>E</b>	93	89
<b>F</b>	109	107
<b>G</b>	55	55
<b>H</b>	124	101
<b>Ch</b>	19	13
<b>I</b>	85	85
<b>J</b>	32	25
<b>K</b>	259	222
<b>L</b>	95	66
<b>M</b>	238	196
<b>N</b>	146	85
<b>O</b>	86	46
<b>P</b>	398	277
<b>R</b>	143	102
<b>Ř</b>	4	0
<b>S</b>	362	251
<b>Š</b>	36	15
<b>T</b>	173	140

<b>U</b>	40	15
<b>V</b>	124	61
<b>W</b>	19	19
<b>X</b>	6	6
<b>Y</b>	1	1
<b>Z</b>	77	18
<b>Ž</b>	10	1
<b>Всего слов</b>	<b>3347</b>	<b>2528</b>

Таблица показывает нам, что приблизительно 75,5% всей новой лексики в современном чешском языке – это заимствования.

В заключение сделаем вывод: пуризм продолжает существовать и в настоящее время. В случае Чехии можно говорить, используя терминологию Милана Йелинка, одного из основных ученых, занимавшихся проблематикой пуризма, о «престижно-охранном» пуризме XX–XXI веков. У него – три задачи: 1) воспрепятствовать проникновению в чешский язык слишком большого количества англицизмов, 2) не дать войти в литературный язык просторечным выражениям в так называемых престижных коммуникативных ситуациях, 3) ограничить количество вульгаризмов, употребляющихся в современном языке (JELÍNEK 1999–2000: 151).

Подытоживая рассмотренные в статье факты, можно заключить, что языковая реальность демонстрирует столкновение нескольких тенденций развития. «Охранная» функция пуризма, по всей вероятности, уже теряет свою силу, но функция национальной идентичности, поддерживающая престиж языка, остается важной. Поэтому наблюдаемое доминирование заимствованной лексики среди неологизмов в современном чешском языке может вызывать тревогу и желание продолжать целенаправленную образовательную деятельность в обществе.

### Литература

- BĚLIČ 1973 = BĚLIČ J. Lexikální rozdíly na území českého jazyka z hlediska vztahů k jiným jazykům slovanským. *Slavia* 42 (1973): 1–8.
- FILÍPEK 1974 = FILÍPEK J. Překlady Josefa Jungmanna a vývoj spisovné češtiny. In: *Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Universitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna*. Praha, 1974. 157–168.
- GLADKOVA 1998 = GLADKOVA H. Úloha jazykové intervence v období formování spisovné bulharštiny v porovnání s češtinou. In: *Česká slavistika 1998. České přednášky pro XII. Mezinárodní sjezd slavistů. Krakov 27.8.–2.9.1998*. Praha, 1998. 119–127.
- GLADKOVA 2001 = GLADKOVA H. Символические функции стандартного языка и поиски «золотого века». Чешско-болгарские параллели эпохи национального Возрождения. *Slavia* 70 (2001): 335–351.
- HALLER 1937 = HALLER J. Spisovný jazyk český. In: WEINGART M. (red.) *Slovanské spisovné jazyky v době přítomné*. Praha, 1937. 11–60.

- HAUSER 1959 = HAUSER P. Dobrovského práce o tvoření slov a domácí mluvnická tradice. In: *Studie o jazyce a literatuře národního obrození. Sborník Vysoké školy pedagogické v Praze. Jazyk – literatura 1*. Praha, 1959. 25–54.
- HAVRÁNEK 1974 = HAVRÁNEK B. Jungmannův význam pro nový rozvoj slovní zásoby spisovné češtiny. In: *Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Univerzitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna*. Praha, 1974. 195–203.
- HUBÁČEK 1990 = HUBÁČEK J. *Stati o jazyku stylu J. A. Komenského*. Praha, 1990.
- JEDLIČKA 1974 = JEDLIČKA A. Spisovný jazyk, jeho teorie a praxe v pojetí Josefa Jungmanna. In: *Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Sborník věnovaný Univerzitou Karlovou k 200. výročí narození Josefa Jungmanna*. Praha, 1974. 147–156.
- JELÍNEK 1970 = JELÍNEK M. O českém purismu a antipurismu. In: *O české literatuře a jazyce*. Brno, 1970. 192–220.
- JELÍNEK 1979 = JELÍNEK M. Purismus. In: KUCHAR J. (red.) *Aktuální otázky jazykové kultury v socialistické společnosti*. Praha, 1979. 140–141.
- JELÍNEK 1982 = JELÍNEK M. Je jazykový purismus mrtvý? *Universitas* 1982/1: 38–42.
- JELÍNEK 1997 = JELÍNEK M. O novodobém českém jazykovém purismu a jeho ztroskotání. In: ONDREJOVIČ S. (red.) *Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektívy*. (Sociolinguistica Slovaca 3.) Bratislava, 1997. 153–163.
- JELÍNEK 1999–2000 = JELÍNEK M. Novodobý český jazykový purismus a jeho překonání. *Kritický sborník* 19 (1999–2000): 143–164.
- JÍLEK 1950 = JÍLEK F. *Klaretovo české názvosloví mluvnické*. (Věstník Královské české společnosti nauk. Třída filosoficko-historicko-filologická 4.) Praha, 1950.
- KRAUS 2005 = KRAUS J. Jazykový purismus a jazykové zákonodárství. In: VIKTORA V. (red.) *Profesor Klimeš jubilující*. Plzeň, 2005. 22–30.
- KREJČÍŘOVÁ a kol. 2004 = KREJČÍŘOVÁ I., SÁDLÍKOVÁ M., SAVICKÝ N. P., ŠIŠKOVÁ R., ŠLAUFOVÁ E. *Rusko-český a česko-ruský slovník neologizmů*. Praha, 2004.
- MRAVINACOVÁ 2005 = MRAVINACOVÁ J. Neosémantizmy vzniklé pod vlivem cizího jazyka. In: MARTINCOVÁ O. a kol. (red.) *Neologizmy v dnešní češtině*. Praha, 2005.
- RANGELOVA 2005 = RANGELOVA A. Neosémantizmy a neosémantizační procesy. In: MARTINCOVÁ O. a kol. (red.) *Neologizmy v dnešní češtině*. Praha, 2005.
- STĚPANOVA 2011 = STĚPANOVA L. (red.) *Словарь новой русской лексики и фразеологии*. Olomouc, 2011.
- СЭС = *Советский энциклопедический словарь*. Москва, 1980.